

УДК 821.161.1 – 3."18."09

Земля в идейно-художественной системе Ф.М. Достоевского

Шалина (Кустовская) Марина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологических дисциплин и методик их преподавания,
Евпаторийский институт социальных наук
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
297408, Российская Федерация, Республика Крым,
Евпатория, ул. Просмушкиных, 6;
e-mail: marie_ka@mail.ru

Аннотация

Творчество Ф.М. Достоевского обладает несомненным системным характером: ключевые образы, проблемы, мотивы, характеры переходят из произведения в произведение, углубляя свое содержание, развиваясь в творческом сознании писателя и, что самое главное, раскрывая семантическую полноту именно в соединении между собой. Важность мотива земли в художественной системе классика отмечается на протяжении всего существования науки о Достоевском и не утрачивает своей актуальности по сей день. Цель настоящей статьи – синтезировать идейно-художественные репрезентации феномена *земля* как в художественном, так и в публицистическом дискурсе писателя, а также исследовательские подходы к его интерпретации. Поставленная цель научного исследования обуславливает выбор историко-культурного, сравнительно-типологического, структурно-семантического и мотивного методов литературоведческого анализа. Результатом исследования может служить вывод о том, что идея земли является как одной из ключевых доминант художественного мира классика, так и потенциальным «фокусом», в котором сходятся его аксиологические векторы. В концепции почвенничества Достоевского заложена мысль об обретении порядка, цельности, утраченных или замутненных нравственных ориентиров «оторвавшимся верхним слоем» русской интеллигенции благодаря духовному соединению с народной почвой, о единственной возможности целительного возвращения к национальным корням, к родной земле, в которой хранится сокровище – «русский Бог и Христос». Фольклорно-мифологический образ матери сырой земли в писательском художественном мире, обусловленном христианской ценностной парадигмой, эволюционирует к образу народной заступницы Богородицы как «земли райской». Древнейший архетип матери-земли в культуре амбивалентно ассоциируется с колыбелью и могилой – локусом рождения и упокое-

ния, у Достоевского же эта мысль обретает воплощение в евангельском образе пшеничного зерна, символизирующего добровольное принесения себя в жертву во имя продолжения жизни и воскресения из смерти.

Для цитирования в научных исследованиях

Шалина (Кустовская) М.А. Земля в идейно-художественной системе Ф.М. Достоевского // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2В. С. 629-641.

Ключевые слова

Ф.М. Достоевский, народная почва, русская ментальность, мать сыра земля, Богородица, жертвенность, «путь зерна».

Введение

В 20-х годах прошлого столетия русский философ и филолог С.А. Аскольдов высказал мысль о том, что «особенностью религиозного сознания Достоевского является его устремленность к земле» [Аскольдов, 1922, 29]. Напомним, что именно С.А. Аскольдову и его ученику Д.С. Лихачеву принадлежат одни из первых подходов к осмыслению концепта как лингвистической и художественной категории. В приведенной цитате мотив земли в творчестве Ф. М. Достоевского значимо сопрягается с феноменами художественного сознания, а значит, требует концептуального осмысления.

Исключительная роль данной «сакральной категории» [Борисова, 1979, 43] в художественном мире писателя отмечена исследователями давно и достаточно широко освещена на сегодняшний день [Аскольдов, 1922; Плетнев, 1929; Борисова, 1979; Михнюкевич, 1994; Ветловская, 2007; Паршин, 2011; Богач, 2012], однако каждая работа касается какой-то из сторон многогранного феномена. Целесообразным представляется проанализировать совокупность смысловых реализаций художественного концепта *земля* в творческом универсуме Достоевского комплексно, в синтезе с другими системообразующими идеями, образами и проблемами.

Земля в идейно-художественной системе Ф.М. Достоевского

Почвенничество

Основной вектор осмысления и отражения категории земли в творческой системе Достоевского, безусловно, задан идейно-философской программой почвенничества. «В земле, в почве есть нечто сакраментальное», – скажет классик в эмблематичной статье «Дневника писателя» «Земля и дети» [Достоевский, 1976, 98]¹. Земля воспринимается и осознается

¹ Далее все цитаты из художественного и публицистического творчества Ф. М. Достоевского приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках номера тома и страницы цитирования через запятую. – М. Ш.

автором объемно – в совокупности прямых и переносных, символических значений. Так, к примеру, установление *порядка* в политической и гражданской жизни каждой страны, по убеждению Достоевского, напрямую зависит от «характера землевладения», ибо «порядок в земле и из земли, и это везде, во всем человечестве» (23, 98). С понятием «почвы» писателем закономерно сопрягаются «народные начала» и основы русского национального сознания, аксиологические ориентиры, поскольку «русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли»; земля у русского народа «в основании всего», «а уж из земли у него и все остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь – одним словом, всё, что есть драгоценного» (23, 99). Парадоксальным наблюдением Достоевского становится тот факт, что в выборе между столь чаемой для народа декабристами и петрашевцами свободой и землей русский крестьянин в большинстве предпочел остаться с землей, нежели со свободой.

Земля – и твердая основа под ногами, и духовная почва. Утратив эту основу, «интеллигентный русский», по высказыванию писателя, «есть не что иное, как умственный пролетарий, нечто без земли под собою, без почвы и начала, международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы» (23, 84). Отрыв от почвы чреват прежде всего утратой нравственных ориентиров. Формами отпадения от почвы, матери земли, в художественном измерении писателя становятся «мечтательство», «подпольность», «шатость», «недосиженность»² и – как неизбежное последствие – раздвоенность, нередко ведущая на метафизическом уровне к бесовской одержимости³.

В русской ментальности земля издревле считалась сакральным началом, хранительницей не только нравственного закона, но и святого идеала – Православия, «русского Христа». Как известно, Достоевский убежденно утверждал идею необходимости соединения «оторвавшегося верхнего слоя» – дворянства, интеллигенции с народной почвой именно по причине сохранения ею (народом) исконных традиций, веры, «векового идеала» в чистоте. В «Дневнике писателя» он сформулировал свою заветную мысль: «...в народных началах России и ее православии (под которым я подразумеваю *идею*, не изменяя, однако же, ему вовсе) заключаются залогом того, что Россия может сказать слово живой жизни в грядущем человечестве» (23, 58)⁴. «Слово живой жизни» – это возможность спасения. Именно духовное преображение личности классик считал *единственно* возможным путем спасения мира в апокалиптическую эпоху, противопоставляя вариантам внешнего социального переустройства путь внутренних изменений человека, связанный с верой, отказом от эгоизма, со смирением гордыни, с жертвенностью.

2 «Все вы из недосиженных», – говорит Степан Трофимович Верховенский, характеризуя членов революционной «пятерки» (9, 29) [Аллен, 1996, 62–67].

3 Последствия подобного отпадения от почвы и веры наиболее ярко воплощены в образах Николая Ставрогина, «эманулирующего» «бесов» в одноименном романе, и Ивана Карамазова, которому является двойник-Черт.

4 Выделения курсивом здесь и далее в цитатах Ф.М. Достоевского сделаны писателем. – М. Ш.

Эти дорогие для себя мысли писатель доверяет одному из любимых своих героев – князю Мышкину. «...Откройте русскому человеку русский “Свет”⁵, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий, вырастет пред изумленным миром», – в сердцах восклицает герой, высказывая истинную – мессианскую – цель своего приезда в Россию (8, 453). Примечателен конец этого пассажа о реакции современного мира на появление русского «могучего и правдивого исполина»: западные соседи будут изумлены и испуганы, «потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше!» (8, 453). Достоевский видит миссию России не в утверждении имперской власти, но в примере духовной силы и преображения, потенции которых хранит в себе русская земля.

Мать-земля

Важной и очевидной является семантическая спаянность концептов «земля» и «*материнство*». Традиционно родная почва отождествляется с материнским лоном, в котором, по мысли Достоевского, происходит зарождение и развитие нации: «родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» (23, 96).

Метафора «мать земля» – одна из древнейших в истории человечества. В аналитической психологии К. Юнга архетип матери-земли выделен в числе основных общечеловеческих первообразов [Юнг, 1997, 218]. Амбивалентно ассоциируясь с могилой (местом упокоения) и материнской утробой (локусом зарождения жизни), земля является символом бесконечности жизненного цикла.

В фольклорно-мифологических представлениях связь человека с землей тождественна единству матери и ребенка. Почитание богини-матери в большинстве религиозных культов связано с землей. Она мыслится родительницей, кормилицей, заступницей. В народных верованиях материнское, жизнеродное качество земли делает ее подательницей живительных сил, отсюда и популярный фольклорный мотив обретения богатырской силы: ударится герой оземь – обернется добрым молодцем. В творчестве Достоевского этот мотив получает художественное воплощение в ситуации преображения Алеши Карамазова в главе «Кана Галилейская».

Особое место в художественной системе Достоевского занимает воспроизведение народного обычая *целования земли*. Он имеет свои корни в ветхозаветной библейской традиции, где примирение с землей означает исцеление от совершенного греха, освобождение от векового проклятия, восстановление единства человека со стихией, из которой он создан и которая терпит наказание от Бога вместе с ним: «Адаму же сказал: за то, что ты послу-

5 Здесь свет в значении «мир», по аналогии с «Новым Светом», новооткрытой землей. – М. Ш.

шал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя» (Быт. 3:17). Сонечка Мармеладова, узнав о преступлении Раскольникова, прежде всего восклицает: «Встань! (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении.) Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» (6, 322). И действительно, внезапно постигшее героя желание покаяния, это «цельное, новое, полное ощущение», «загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. <...> Как стоял, так и упал он на землю... Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз» (6, 405). Слезы, размягчающие его окаменевшую душу и несущие очищение, становятся первым симптомом грядущего духовного воскресения героя, освобождения от придавившего его камня идеи.

Во имя духовного спасения Иван Шатов призывает своего кумира Ставрогина целовать землю, облить ее слезами и тем самым вымолить прощение (см. 9, 202), однако Николай Всеволодович остается глух к порывисто-искреннему совету ученика, лишая себя шанса на возрождение. Алеша Карамазов, будучи вместе с «неверными» соблазнен «тлетворным духом», целует землю, обливая ее слезами и духовно воскресает: освобожденный от уныния, вновь обретает веру – поднимается с земли «твердым навсегда бойцом» (14, 328). Предчувствуя свой смертный час и прощаясь с миром, «в радостном восторге» целует землю старец Зосима (14, 294).

Тяжелый труд на земле (которым может выступать и каторга) также, по наложенному Богом на человека наказанию, является формой искупления вины. Если Ставрогин отказывается, по совету Шатова, «добыть Бога трудом», обрекая себя на гибель, то другие герои, жаждущие возрождения, видят путь к нему именно через искупительный труд и смирение гордыни. Грушенька говорит Мите Карамазову об их общем будущем: «А мы пойдем с тобою лучше землю пахать. Я землю вот этими руками скрести хочу» (14, 399). Митя же, тоскуя по «союзу с землей», готов петь гимн Богу и Его радости в подземных рудниках, принимая крест искупительной жертвы, миссию «зерна», которому надлежит пасть в землю и умереть, чтобы принести благодатный плод, о чем речь пойдет ниже.

Мать сыра земля Богородица

Устами юродивой Марьи Лебядкиной в романе «Бесы» озвучивается таинственное откровение: «Богородица – великая мать сыра земля есть и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься» (10, 116). Облегчение от скорбей, воцарение радости и любви в сердце от пролитых земле слез – прилив «живой жизни» – ощущают и Раскольников, и Алеша Карамазов, и старец Зосима, практикующий обряд исповеди земле: «Люби повергаться на зем-

лю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга, и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным» (14, 292).

Мотив «отождествления» матери сырой земли с Богородицей в приведенном выше отрывке из «Бесов» составляет отдельную научную дискуссию. В начале XX века данная проблема стала особой темой размышления русских религиозных философов: С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Н. Дурылина, В. Иванова, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, Г.П. Федотова и др. В соединении образа матери-земли с Богородицей были увидены знаки воплощения «народного христианства», в котором языческие суеверия и мистицизм соединены с более поздними христианскими ценностно-символическими наслоениями. В советском литературоведении принято было трактовать этот мотив в качестве намеренного внедрения знаков народно-религиозной культуры – «народной правды» – в художественную ткань произведения. Так, по высказыванию В.А. Михнюкевича, например, единство «всеобъемлющего материнского начала жизни» составляет «ядро религиозно-нравственных представлений народа» [Михнюкевич, 1994, 154–155].

Именно из-за наличия у Достоевского якобы языческих представлений о матери сырой земле родилась тенденция обвинения писателя в двоеверии, отклонении от православия. Между тем уже в 30-е годы XX века было опубликовано исследование Г.П. Федотова, в котором на материале памятников народной духовной поэзии была убедительно обоснована мысль о том, что в религиозных представлениях народа образы матери-земли и Богородицы *не тождественны*: «в кругу небесных сил – Богородица, в кругу природного мира – земля, в родовой социальной жизни – мать являются на *разных ступенях* космической и божественной иерархии носителями одного материнского начала» [Федотов, 1982, 239]. Русский философ подчеркивал, что «их близость не означает еще их тождественности». В фольклоре нет «отождествления Богородицы с матерью-землей и кровной матерью человека», но недвусмысленно указано «на их сродство:

Первая мать – Пресвятая Богородица,

Вторая мать – сыра земля,

Третья мать – как скорбь приняла...» [там же, 239]

Современный ученый А.Н. Паршин развивает обоснования Г.П. Федотова, подчеркивая, что в описанном у Достоевского эпизоде «перед нами не переработка каких-то языческих или фольклорных представлений, а прямая рецепция церковных представлений о Богородице», которая в богословской и святоотеческой литературе именуется «богоносной землей» и явлена в символе девственной, невозделанной – райской – земли [Паршин, 2011, 77]. Автор приводит слова Иоанна Богослова: «...рай был делом рук не человеческих; земля была девственною, не принимала в себя плуга, не была изборождена, но, не тронутая руками земледельцев, по одному повелению (Божию) произрастила те древа. Поэтому-то (Бог) и

назвал ее Эдемом, что значит девственная земля. Эта дева была образом иной девы. Как эта земля произрастила нам рай, не принявши в себя семян, так и та (Дева), не приявши семени мужеского, произрастила нам Христа» [Там же].

В святоотеческом предании земля – удел Богоматери, и вся тварь земная – объект Ее молитв, заступничества и покровительства. Мать-земля и Богородица представляют в народном сознании символические горизонталь и вертикаль, через единство которых осуществляется связь дольного и горнего, земного и небесного. Следовательно, земля, в своей метафизической ипостаси, – это сфера одушевления косной материи, сфера, где жизнь делается *живой*.

Выяснение соотношения образов матери сырой земли и Богородицы имеет своей целью и решение вопроса о «линиях отношений православия и язычества», которые знаково отражаются в данной аналогии. Глубинное постижение вопроса дает основание сделать вывод о том, что языческие образы, столь множественные в христианстве, так называемая «языческая подкладка» христианской культурной парадигмы, по мысли А. Н. Паршина, выступают «как *предчувствия и искания* христианства, которое *раскрыло впоследствии* то, что было лишь в зародыше» [Там же, 75]. Как пишет С.В. Шкуро, лишь в Православном христианстве Пресвятая Богородица становится «полным воплощением всех раздробленных интуиций, связанных с архетипом матери в язычестве» [Шкуро, www].

Один из первых исследователей мотива земли у Достоевского Р.В. Плетнев особо отмечал и то, что земля – «единственное место осуществления деятельной любви христианина. Отсюда и целование земного лона героями, согрешившими против веры и любви» [Плетнев, 1929, 161]. Временное земное существование – возможность обрести жизнь вечную: «бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей», – говорил Достоевский на страницах «Дневника писателя» (25, 49). И «только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле» [там же].

Кроме того, популярные в русском фольклоре жанры апокрифа и духовного стиха, в которых широко воплощены представления о Богородице – матери сырой земле, по заключению Г.П. Федотова, суть «остаток древней московской, допетровской культуры, уцелевший в эпоху европеизации России» [Федотов, 1982, 220]. Таким образом, «одна из задушевных» идей Достоевского [Аскольдов, 1922, 28], вложенная в уста Хромоножки Марьи Лебядкиной, призвана напомнить об утраченном единстве русского общества. В «романе-предупреждении» Достоевского потомки открыли и «проблеск... нового откровения догматического характера» – идею Земли-Софии («мировой души», «рождающего лона бытия», воплощения единства мира), развитую религиозными мыслителями рубежа XIX–XX веков [Тм же].

«Путь зерна»

Репрезентативным в раскрытии семантики художественного концепта «земля» и его образных потенциалов представляется роман «Братья Карамазовы», где ключевой является заданная в евангельском эпиграфе метафора пшеничного зерна, павшего в землю и давшего

много плода. Символический «путь зерна», неразрывно связанный с феноменом земли, для Достоевского предстает «эмблемой» [Борисова, 2007] идеи смерти и воскресения – не только как природно-биологического жизненного цикла, но как воплощения концепции «восстановления погибшего человека», то есть духовного воскресения падшего грешника.

Уже родовая фамилия Карамазовы (от тюркского «кара» – черный) намечает ассоциацию с черноземом. В романе Алеше ошибочно именуют «Черномазовым». Черномазовы – «вымазанные» (или связанные с) землей. Как отмечают комментаторы Полного собрания сочинений, такое обращение к Алеше – не случайная обмолвка, а намек автора на выявление внутренней формы вымышленной фамилии (15, 549). С одной стороны, это указывает на хтоничность, подземность, темное начало карамазовской стихии [см. Гачев, 1973, 121]. А с другой, как замечает Е.М. Мелетинский, – в карамазовщине заключены одновременно и хаос, и сила земли, способная этот хаос преодолеть: «Сама земля мыслится и как хтоническое начало, и как национальная почва» [Мелетинский, 2001, 156] Думается, имеет основание и трактовка А.Б. Креницына, интерпретирующего фамилию Карамазовы как «черноземные», т. е. «плодородные» [Креницын, 2001, 349].

Более всего эта связь со стихией земли чувствуется в образе Мити Карамазова. Его имя – Дмитрий (Димитрий) ощутимо ассоциируется с именем Деметры, мифической богини плодородия, матери-земли, блудным сыном которой, по мысли М.С. Альтмана, сознает себя Митя [Альтман, 1976, 115]. К этому образу в Шиллеровских строках обращался старший из братьев Карамазовых, когда ему «случалось погружаться в самый... глубокий позор разврата»:

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек (14, 99).

Ощущая свою карамазовскую «широкость», в минуты острого сознания собственного «позора» (разврата, падения «в бездну» «головой вниз и пятами вверх») герой «вдруг» начинает иной гимн: «Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облекается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть» (там же).

В Дмитрие Карамазове более всех других братьев силен голос отцовской крови – «земляная карамазовская сила», «неистовая» и «необделанная» (14, 201), как сама первобытно дикая земля. Страсть и чувственность в нем стихийны, «изгиб» Грушеньки лишает рассудка, завладевает всем существом. Кажется, что и жизнь Митя любит, как женщину, – сладострастно, со всем карамазовским безудержем. В шиллеровском гимне, который вдохновенно декламирует герой, по наблюдению исследователя, богиня земли Церера-Деметра учит человека эту землю возделывать [Альтман, 1976, 115]. Именно благодатная «нутряная» связь с народной почвой, матерью-землей, является залогом его приобщения к «живой жизни» (т.е. духовной, в противовес плотской «жажде жизни»), дает силу преодолеть в себе карамазовское «сладострастие злого насекомого».

В этом образе Достоевский с особенной силой передает свое убеждение в том, что счастье покупается страданием: трудом каторжника, в рудниках, внутри самой соприродной земляной стихии Дмитрию Карамазову должно искупить родовой карамазовский грех; Христовым путем самопожертвования – Креста и Голгофы – плотоядная карамазовская жажда жизни очищается и становится *живой жизнью*⁶. От восхваления стихийно-языческой земли-Цереры дух его восходит к прославлению Творца: «И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн Богу, у Которого радость! Да здравствует Бог и Его радость! Люблю Его!» (15, 31).

Радостное приятие Божьего мира Дмитрием противопоставлено ситуации «возвращения билета» Иваном, сон Мити о «бедном дити» – раздумьям о «слезинке замученного ребенка» (15, 31). Ивану не понять, «как можно любить своих ближних», а «Христова любовь к людям, – по его убеждению, – есть в своем роде невозможное на земле чудо» (14, 217). Вся сила метафизического бунта идеолога вседозволенности, который, рассказывая свои страшные «анекдотики», добивается от «ангела-Алеши» приговора «Расстрелять!», обращается в ничто сравнительно с решением Дмитрия «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого» (14, 457). Боль Дмитрия за безвинные слезы и страдания человеческие не абстрактна, как у Ивана, его нравственный выбор иной – он не бросает обвинения Всевышнему, а знает, что «все за всех виноваты» и берет эту общую вину на свои плечи: «Все – “дитё”. За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» (14, 31).

Митя – то зерно, которое, упав в карамазовскую грязь-почву, призвано возродиться и принести «много плода». Эмблема пшеничного зерна, по высказыванию В.В. Борисовой, действительно «сюжетно и вербально заключает последний роман Достоевского», а «идея воскресения совершает... большой круг – от эпитафия к эпилогу и обратно» [Борисова, 2007, 685]. Мотив бесконечности жизненного цикла, смерти для обретения нового рождения, преобразования всего живого в высшую форму заключительным аккордом звучит в эпилоге романа: «– Карамазов! – крикнул Коля, – неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку? – Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша» (15, 197).

В системе образов художественного мира Достоевского Дмитрий будто символически снимает замкнутость круга «раскольников»: своим добровольно взятым страданием «за всех» искупает не только грех Карамазовых, но доводит до конца «дело» маляра Миколки, рязанского раскольника, – «пострадать» («Преступление и наказание»), тем самым неся искупление другим грешникам – своевольным и раздвоенным Родиону Раскольникову, а также расколотившему святой образ Андрею Петровичу Версикову («Подросток»).

6 Подробнее об этом см.: [Кутовская, 2010].

Заключение

Соприкасаясь с художественным миром Ф.М. Достоевского, нельзя не отметить определяющую его особенность – *системность*. Значимые для писателя идеи, образы, типы героев, концепции переносятся им из произведения в произведение, варьируясь, наполняясь различными смысловыми нюансами, обогащаясь. Художественный концепт *земля* играет особую роль в творчестве классика. В нем, как в фокусе, сходятся важнейшие идеи и аксиологические доминанты Достоевского: животворящая связь с родной землей, народно-почвенные идеалы, в центре которых – православная вера и святой образ Христа, материнское начало, сосуществующие на разных ступенях восприятия языческие представления о матери сырой земле и христианская традиция поклонения Приснодеве Марии как «богоносной земле» и наконец, сакральный мотив «пшеничного зерна» – смерти и воскресения как осуществления жизненного цикла, а также связанная с ним идея жертвенности – искупительной и спасающей.

Библиография

1. Аллен Л.Ф.М. Достоевский. Поэтика. Мироощущение. Богоискательство СПб., 1996. 171 с.
2. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1976. 280 с.
3. Аскольдов С.А. Религиозно-этическое значение Достоевского // А.С. Долинина (ред.) Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. СПб., 1922. С. 1-32.
4. Богач Д.А. Образ природы в творчестве Ф.М. Достоевского: различные подходы к изучению // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32 (286). Серия «Филология. Искусствоведение». №. 71. С. 16-21.
5. Борисова В.В. Фольклорно-мифологическая основа категории земли у Ф.М. Достоевского // Фольклор народов РСФСР, 1979. №. 6. С. 35-43.
6. Борисова В.В. Эмблематическая структура романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние исследования. М., 2007. С. 681-686.
7. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. 640 с.
8. Гачев Г.Д. Космос Достоевского // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 110-124.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972- 1990. Далее все цитаты из художественного и публицистического творчества Ф. М. Достоевского приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках номера тома и страницы цитирования через запятую. – М. III.
10. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека (К антропологии Ф.М. Достоевского). М., 2001. 372 с.

11. Кустовская М.А. «Жажда жизни» и «живая жизнь»: диалектика идеи «жизни» у Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2010. С. 178-183.
12. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. М., 2001. 187 с.
13. Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск, 1994. 319 с.
14. Паршин А.Н. «Богородица мать сыра земля...» (О трех лекциях в Московской духовной академии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1 «Богословие. Философия. Религиоведение». 2011. № 37. С. 71-81.
15. Плетнев Р.В. Земля (Из работ «Природа в творчестве Достоевского») // Бем А.Л. (ред.) О Достоевском. Прага, 1929. С. 153-163.
16. Федотов Г.П. Мать-земля. К религиозной космологии русского народа // Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Тяжба о России (статьи 1933 – 1936). Paris, 1982. С. 219-240.
17. Шкуро С.В. Феноменология мифа URL: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/dipl/shkuro/>
18. Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. М., К., 1997. 382 с.

Earth in the ideological and artistic system of F.M. Dostoevsky

Marina A. Shalina (Kustovskaya)

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of philological disciplines and methods of their teaching,
Yevpatoria Institute of Social Sciences
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
297408, 6 Prosmushkinykh st., Evpatoriya, Republic of Crimea, Russian Federation;
e-mail: marie_ka@mail.ru

Abstract

Creativity of F.M. Dostoevsky has an obvious systemic character: the main characters, problems, motives move from work to work, deepening their contents, developing in a creative mind of the writer, and, most importantly, revealing the semantic completeness in the connection between them. The importance of the motif of the earth in the system of Dostoevsky is present throughout the entire existence of the science about Dostoevsky and does not lose its relevance today. The aim of this article is to synthesize the ideological and artistic representation of the phenomenon of earth both in artistic and journalistic discourse of the writer, as well as research approaches to its interpretation. The aim of scientific research determines the choice of historical-cultural, comparative-typological, structural-semantic

and motivic methods of literary analysis. The author concludes that the idea of the earth is both one of the key dominant of the art world of the writer, and potential "focus", which converge all axiological vectors. The idea about finding of order, wholeness, lost or clouded moral compass by "detached upper layer" of the Russian intelligentsia due to the spiritual connection with the people's soil, the only possible way of a return to national roots, to their native land, which houses a treasure – "the Russian God and Christ". Folklore-mythological image of Mother Earth laid in the literary art world of the writer, due to Christian values paradigm, evolutions to the image of national defender Mother of God as "land of Paradise". The ancient archetype of the Mother Earth in a culture is associated with the cradle and the grave is the locus of birth and peace, Dostoevsky's idea finds expression in the gospel image of the grain of wheat, symbolizing the voluntary sacrifice in the name of continuing life and resurrection from death.

For citation

Shalina (Kustovskaya) M.A. (2017) Zemlya v ideino-khudozhestvennoi sisteme F.M. Dostoevskogo [Earth in the ideological and artistic system of F.M. Dostoevsky]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7(2B), pp. 629-641.

Keywords

F.M. Dostoevsky, people's soil, Russian mentality, Mother Earth, Mother of God, the "way of grain".

References

1. Allen L.F.M. (1996) *Dostoevskii. Poetika. Mirooshchushchenie. Bogoisatel'stvo* [Dostoevsky. Poetics. Attitude. God-seeking]. Saint Petersburg.
2. Al'tman M.S. (1976) *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. Milestones of names]. Saratov.
3. Askol'dov S.A. (1922) Religiozno-eticheskoe znachenie Dostoevskogo [Religious and ethical meaning of Dostoevsky]. In: A.S. Dolinina (ed.) *F.M. Dostoevskii. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and materials]. Saint Petersburg, pp. 1-32.
4. Bogach D.A. (2012) Obraz prirody v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: razlichnye podkhody k izucheniyu [The image of nature in the works of F.M. Dostoevsky: different approaches to study]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Iskusstvovedenie"* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series "Philology. Art criticism"], 32 (286), pp. 16-21.
5. Borisova V.V. (1979) Fol'klorno-mifologicheskaya osnova kategorii zemli u F.M. Dostoevskogo [Folklore-mythological basis of the category of earth in Dostoevsky's work's]. *Fol'klor narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR], 6, pp. 35-43.

6. Borisova V.V. (2007) Emblematiceskaya struktura romana F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" [The symbolic structure of Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. In: *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie issledovaniya* [The novel of Dostoevsky "The Brothers Karamazov": the current state of research]. Moscow, pp. 681-686.
7. Dostoevskii F.M. (1972-1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols. Leningrad.
8. Fedotov G.P. (1982) Mat'-zemlya. K religioznoi kosmologii russkogo naroda [Mother Earth. The religious cosmology of the Russian people]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 t. T. 3: Tyazhba o Rossii (stat'i 1933-1936)* [Complete works: in 4 vols. Vol. 3: The litigation of Russia (articles 1933-1936)]. Paris, pp. 219-240.
9. Gachev G.D. (1973) Kosmos Dostoevskogo [Dostoevsky's space]. In: *Problemy poetiki i istorii literatury* [Problems of poetics and literary history]. Saransk, pp. 110-124.
10. Krinitsyn A.B. (2001) *Ispoved' podpol'nogo cheloveka (K antropologii F.M. Dostoevskogo)* [The confession of the underground man (anthropology of F.M. Dostoevsky)]. Moscow.
11. Kustovskaya M.A. (2010) "Zhazhda zhizni" i "zhivaya zhizn": dialektika idei "zhizni" u F.M. Dostoevskogo ["Lust for life" and "living life": the dialectic of the idea of "life" in the works of F.M. Dostoevsky]. In: *Dostoevskii i sovremennost'* [Dostoevsky and modernity]. Velikii Novgorod, p. 178-183.
12. Meletinskii E.M. (2001) *Zametki o tvorchestve Dostoevskogo* [Notes on the works of Dostoevsky]. Moscow.
13. Mikhnyukevich V.A. (1994) *Russkii fol'klor v khudozhestvennoi sisteme F.M. Dostoevskogo* [Russian folklore in the artistic system of F.M. Dostoevsky]. Chelyabinsk.
14. Parshin A.N. (2011) "Bogoroditsa mat' syra zemlya..." (O trekh lektsiyakh v Moskovskoi dukhovnoi akademii) ["Mother Earth..." (three lectures at the Moscow Theological Academy)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1 "Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie"* [Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities. Series 1 "Theology. Philosophy. Religious"], 37, pp. 71-81.
15. Pletnev R.V. (1929) Zemlya (Iz rabot "Priroda v tvorchestve Dostoevskogo") [Earth (From the works "Nature in the works of Dostoevsky")]. Bem A.L. (ed.) *O Dostoevskom* [About Dostoevsky]. Praga, pp. 153-163.
16. Shkuro S.V. *Fenomenologiya mifa* [Phenomenology of the myth]. Available at: <http://kds.ep-arhia.ru/bibliot/dipl/shkuro/> [Accessed 12/06/17].
17. Vetlovskaya V.E. (2007) *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. Saint Petersburg.
18. Yung K.G. (1997) *Dusha i mif: Shest' arkhetyпов* [Soul and myth: Six archetypes]. Moscow, Kiev.